

LITERATUROZNAWSTWO I KULTUROZNAWSTWO

Татьяна Шеховцова (*Tat'iana Shekhovtsova*)

Харьков, Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

АВТОР И АДРЕСАТ В ЭПИСТОЛЯРИИ ЛЕОНИДА ДОБЫЧИНА

The Author and the Addressee in Leonid Dobychin's Epistolary

ABSTRACT: The article analyzes the letters of L. Dobychin from 1924-1936. It reveals the main characteristics of the images of the author and the addressee, explicit and implicit forms of the author's self-expression, the author's epistolary intentions. The article shows that for Dobychin letters are not only external, but also internal representant of a personality, the most important way of formation of the image of "I" in its subjective and objective significance. The uniqueness of the author's epistolary personality is determined by absolute sincerity and uncompromising judgment, etiquette pedantry, the combination of ironic and sentimental intonations, acute experience of his relations with the world and people, idealization of writerly status, orientation to the ideal norm both in aesthetic and in behavioral sense. The image of the addressee of the letters is partly mythologized and determined by the type of relationship between the correspondents and the role chosen by the addressee. The variations of the author's "ego" and the change of the addressees' role functions provide an expansion of the semantic and aesthetic potential of the image of the addressee and the correspondence as a whole.

KEYWORDS: letter, author, addressee, epistolary personality, egotext

Изучение эпистолярных текстов, в том числе, писательского эпистолярия является одним из продуктивных направлений современного литературоведения, что подтверждают работы Ирины Паперно, Дины Магомедовой, Галины Мазохи, Казимежа Цисевского, Аниты Цалек и других исследователей. Не только документальная, но и художественная ценность этой части писательского наследия уже давно не вызывает сомнений: эпистолография обоснованно воспринимается

как литература¹. Личная переписка писателей становится ключом к пониманию внутреннего мира художника и его творческой лаборатории. В письмах раскрывается тип мироощущения автора, обозначаются его коммуникативные стратегии, особенности «поведенческого текста» (по терминологии Юрия Лотмана), мотивы и механизмы творчества, формируются и оттачиваются литературные приемы. Сложная природа письма (сопрягающая документальное, утилитарно-прикладное и художественное, монологическое и диалогическое, индивидуальное и этикетное, устно-разговорное и письменное и т. д.)² определяет целесообразность междисциплинарного подхода к его изучению.

Материалом нашего исследования стали письма Леонида Добычина – одного из самых загадочных, «потаенных», психологически «закрытых» представителей русской литературы 1920-30-х годов. При крайней скудости документальных материалов, необходимых для изучения биографии и творчества Добычина, письма являются практически единственным источником, позволяющим «взглянуть на жизнь писателя с его собственной точки зрения»³, прояснить жизненное и творческое кредо этого художника, с трудом вписывающегося в культурные каноны эпохи. Цель данного исследования – выявление конституирующих составляющих образов автора и адресата в письмах Л. Добычина, эксплицитных и имплицитных форм авторского самовыражения, авторских эпистолярных интенций. К изучению переписки Л. Добычина обращались Аркадий Неминущий, Зоя Попова, Александра Петрова, Сергей Королёв, однако в предложенном ракурсе эта часть добычинского наследия не рассматривалась. Предметом изучения становились типологические переключки с чеховским эпистолярием, особенности субъектной организации писем, их биографический контекст⁴.

Автодокументальная и рефлексивная природа письма определяет обращение к теории и практике изучения эготекстов (термин предложен Жаком Прессером), то есть текстов, основой которых является конструирование и репрезентация модели собственной личности, – дневников, писем, автобиографий, мемуаров, записных книжек и т. п. Как подчеркивает Людмила Луцевич, «Личность автора является смысло- и структурообразующей в эго-документе,

¹ K. Cysewski, *Teoretyczne i metodologiczne problemy badań nad epistolografia*, „Pamiętnik Literacki” 1997, nr 1, s. 99; J. Maciejewski, *List jako forma literacka*, [w:] *Sztuka pisania. O liście polskim w wieku XIX*, red. J. Sztachelska, E. Dąbrowicz, Białystok 2000, s. 213.

² S. Skwarczyńska, *Wokół teorii listu. (Paradoksy)*, „Pamiętnikarstwo Polskie” 1972, z. 4, s. 37-45.

³ A. Całek, *Nowa teoria listu*, Kraków 2019, s. 347.

⁴ А. Неминущий, *Чеховские традиции в эпистолярии Л. Добычина*, «Добычинский сборник», вып. 3, Даугавпилс 1998, с. 98-104; З. Попова, *Позиция субъекта речи в письмах Л. Добычина*, *Русская филология*, № 15. Сборник научных работ молодых филологов, Тарту 2004, с. 132-137; А. Петрова, «Вы мой единственный читатель...»: *О письмах Л. Добычина к К. Чуковскому*, «Новое литературное обозрение» 1993, № 4, с. 123-125; *Письма Л. Добычина к Л.М. Варковичкой*, Публикация, вступительная заметка и примечания Сергея Королёва, «Звезда», 2019, № 1, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

именно ее рефлексии, память, интерпретации обуславливают самое повествование»⁵. Михаил Михеев называет два основных признака эготекстов: (1) это текст о себе самом, то есть имеющий своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и (2) – текст, написанный с субъективной авторской точки зрения, то есть человеком из эгоцентрической позиции»⁶. И. Паперно рассматривает переписку как целостный текст и считает основными принципами построения письма саморефлексию (выработку принципов самовыражения, обнажение структуры, самоописание) и диалогизм (включение точки зрения адресата в структуру письма, самостоятельность чужого слова, цитатность, аллюзийность, отсылки к общей памяти, структурирование собеседника-читателя)⁷. Взаимодействие автора и адресата в культурно-историческом контексте, определяемые этим контекстом особенности эпистолярной личности и структуры письма анализировались в трудах Стефании Скварчинской, Уильяма Тодда, Дениз Атанасовой-Соколовой, Келси Рубин-Детлев, Нины Белуновой и других.

Понимание письма как явления литературы позволяет использовать методологию анализа образа автора, основы которой заложены в работах Михаила Бахтина, Виктора Виноградова и Бориса Кормана. Важной для нашего исследования представляется иерархия, предложенная М. Бахтиным: биографический автор (находящийся вне произведения) – первичный автор (автор-творец, «эстетически деятельный субъект»⁸) – вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором)⁹. Понятие «первичный автор» соотносится с категорией «имплицитный автор», используемой современной нарратологией¹⁰.

В эпистолярии Добычина представлены письма литераторам и членам их семей (Корнею и Николаю Чуковским, Михаилу и Иде Слонимским, Леониду Рахманову, Марии Шкапской, Леонтию Раковскому), а также деловые письма сотрудникам издательств (всего 166 писем 1924-1936 годов, включая записки)¹¹. Отдельный блок составляет недавно обнаруженная переписка с Лидией Варковицкой – секретарём и редактором отдела современной художественной литера-

⁵ *Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы круглого стола)*, Москва 2008, [в:] <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy> (10.12.2021).

⁶ М. Михеев, *Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX)*, Москва 2007, с. 5.

⁷ И.А. Паперно, *Об изучении поэтики письма*, «Ученые записки Тартуского государственного университета» 1977, т. 420: *Studia metrica et poetica* (II), с. 110.

⁸ М.М. Бахтин, *Литературно-критические статьи*, Москва 1986, с. 75.

⁹ М.М. Бахтин, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1986, с. 373.

¹⁰ W. Schmid, *Implied Author*, [in:] *Handbook of Narratology: Contributions to Narrative Theory*, ed. by Peter Hühn, John Pier, Wolf Schmid, Jörg Schönert, Berlin; New York 2009, p. 288-300.

¹¹ Основные публикации писем: Л. Добычин, *Полное собрание сочинений и писем*, Санкт-Петербург 1999, с. 247-328; В. Сажин, *Л. Добычин: новые материалы к биографии и творчеству*, [в:] <https://cyberleninka.ru/article/n/l-dobychin-novye-materialy-k-biografii-i-tvorchestvu> (04.12.2021).

туры в «Ленгизе» (ленинградском отделении Госиздата), переводчицей и писательницей (25 писем 1927-1931 годов)¹².

Литературный характер добычинских писем очевиден. В них используются те же приемы, что и в художественном творчестве писателя: позиция беспристрастного наблюдателя, снижение пафоса, мерцающая ирония (термин Виктора Ерофеева¹³), монтажное построение, обыгрывание речевых и литературных штампов и советского новояза, включение различных форм чужой речи, книжные аллюзии и реминисценции. Добычин и оформлял свои письма так же, как рукописи рассказов: он с избытком расставлял ударения, по собственному произволу использовал заглавные буквы (например, в словосочетаниях Добрые Начальники, Захватывающая Фабула, Угостили Коньяком), подчеркивал слова и фразы, закавычивал «чужое слово» или речевой шаблон¹⁴. Нередко письма строятся по принципу «текст в тексте»: в них вводятся фрагменты будущих рассказов, житейские эпизоды-сценки, анекдоты.

Как отмечала еще Стефания Скварчинская, письмо сочетает в себе документальное и эстетическое, находясь на границе искусства и жизни¹⁵. Поэтому создаваемый в переписке Добычина образ вторичного автора закономерно включает реально-биографические черты. Важнейшими его характеристиками являются одиночество и тоска по общению. Для провинциального и практически невыездного Добычина письма были единственным способом поддержания дружеских и деловых связей, а порой и единственной формой коммуникации: «Ваше письмо меня оживило», «Если можно, ответьте скорей, напишите что-нибудь про «вообще» – я ничего не знаю здесь», «А мне очень наскучило ни с кем не разговаривать»¹⁶. Письма предваряют и заменяют непосредственное общение. В повседневном и прозаическом течении жизни получение письма воспринимается как событие и потому становится мерой времени: «Я получил Ваше письмо вечером», «...может быть, на днях придет от Вас Письмо», «Ваше письмо со штемпелем четырнадцатого пришло вместо шестнадцатого – восемнадцатого», «Благодарю Вас за письмо. Я страшно ждал его, и оно пришло в тот самый день, когда, по моим расчетам, должно было прийти»¹⁷.

Эпистолярное пространство включает обычное для писем «здесь» адресанта и «там» адресата, при этом лагуна между ними для Добычина чаще всего драматично непреодолима. Противопоставление Ленинграда и Брянска не просто актуализирует традиционную оппозицию Столица/Провинция, но приобретает

¹² Письма Л. Добычина..., [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

¹³ В. Ерофеев, *Поэтика Добычина, или Анализ забытого творчества*, [в:] Еро же, *В лабиринтах проклятых вопросов*, Москва 1996, с. 198.

¹⁴ На особенности графического оформления писем обращает внимание публикатор переписки с Л. Варковицкой С. Королев.

¹⁵ S. Skwarczyńska, *Teoria listu*, Lwów 1937, s. 349.

¹⁶ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 266, 298.

¹⁷ Там же, с. 250, 285, 311, 319.

оттенок роковой обреченности, а мотив отъезда звучит как вызов судьбе: «я уеду несмотря ни на что»¹⁸. Однако долгожданный переезд в Ленинград лишь усугубил и одиночество, и обреченность. В 1936 году, незадолго до смерти, Добычин пишет поэтессе Марии Шкапской: «Если у Вас найдется время, напишите мне немножко. <...> Мне как-то очень беспокоит, хочется немножко жаловаться, а народу мало»¹⁹. По свидетельствам современников, Добычин не вошел в ленинградский писательский круг, и это положение аутсайдера определялось не только социально-исторической ситуацией, но и особым, маргинальным типом ментальности²⁰. В письме к И. Слонимской Добычин описывает предполагаемую обложку своей книги, воспроизводящую его видение мира: «жалкая гостинная без людей»²¹.

Образ автора в письмах Добычина варьируется в зависимости от адресата, но имеет и константные характеристики. Прежде всего он позиционирует себя как «уездного сочинителя»²², далекого от профессиональных литераторов и тем более писательской элиты: «Я не занимаюсь литературой», «я мог бы поступить так, как в таких случаях поступают Писатели, – но что они проделывают, черт их знает», «Так как я не Профессионал, то ничего в этом не понимаю», «я писатель только на полпроцента»²³. В переписке с Чуковским и Слонимским Добычин последовательно соблюдает иерархию в отношениях и использует ролевую модель «мэтр – начинающий литератор» («Может быть, Вы когда-нибудь удосужитесь дать мне назидание...»), «Разрешите... просить Вашего указания», «простите, я с сохранением дистанций»²⁴. В обращениях к Слонимскому, который был моложе Добычина, эта модель зачастую окрашивается иронией и самоиронией. Тем не менее идентификация себя как писателя для Добычина очень важна, и письма становятся для него актом автокреации именно в этом качестве. Сквозным мотивом писем, вне зависимости от адресата, становится мотив творчества как смысла и оправдания жизни: «Это Вы подобрали меня с земли», «При мысли, что она <книжка> не успеет выйти, у меня ЛЕДЕНЕЕТ КРОВЬ И ВОЛОСЫ СТАНОВЯТСЯ ДЫБОМ»²⁵, «Мне казалось, что этим можно подняться в более высокий этаж жизни, говоря высокопарно»²⁶. Эту basic idea Добычина хорошо понимал К. Чуковский. В одном из писем переводчице и литературному меценату Раисе Ломоносовой он упоминает о своем литературном

¹⁸ Там же, с. 276.

¹⁹ Там же, с. 325.

²⁰ См. об этом: Т.А. Шеховцова, *Проза Л. Добычина: маргиналии русского модернизма*, Харьков 2009, с. 132-151.

²¹ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 306.

²² Там же, с. 265.

²³ Там же, с. 248, 293, 312, 316.

²⁴ Там же, с. 253, 255, 302.

²⁵ Там же, с. 252, 311.

²⁶ *Письма Л. Добычина...*, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

«крестнике», описывая его материальное положение и тем не менее отвергая предложение о помощи: «... деньгами здесь не помочь. Что нужно Добычину? Ему нужно, чтобы поняли и полюбили его дарование»²⁷.

«Молоденький Сочинитель»²⁸ постоянно нуждается в одобрении и поддержке (особенно значимых, поскольку семья, прежде всего мать, не одобряли его занятия литературой), «коллекционирует» немногочисленные позитивные отклики на свое творчество: «Пожалуйста, прочтите отъезжающую и напишите мне про нее: я сам не могу разобраться», «Я очень рад, что Вам понравилось», «Спасибо за то, что Вы меня похвалили...», «кто этот прекрасный юморист и вообще хороший человек, человек со вкусом, который признает мою квалификацию?»²⁹. В письмах часто описываются эпизоды, в которых так или иначе подтверждается его писательский статус: «Я встретил одну старуху, которая читала в „Современнике“ про Кукина. Она сказала: “Я очарована”»³⁰.

Еще одна авторская ипостась добычинской переписки – образ писателя, лишенного читателя: «Вы мой единственный читатель», «Мне суждены всего два читателя 1) Вы, 2) Корней Иванович»³¹. С этим образом связан комплекс смежных мотивов: бессмысленности творчества («Ничего нет, что побуждало бы писать...»), одиночества («Я забыт в сердцах, как мертвый...»), мотивы пустоты, тоски, скуки («душа моя скорбит смертельно»), ожидания письма: «Когда приносят почту, я перебираю ее и смотрю, нет ли письма от Вас: нет», жажды отъезда: «Мой рассказ скоро будет готов – про женщину, которая удачливей меня: она уедет»³². К данному комплексу можно отнести и мотив несовершенного действия, включающий ряд субмотивов: ненаписанной, неопубликованной или непрочитанной книги, неотправленного письма, уничтоженной рукописи, неиспользованной возможности, несостоявшегося отъезда: «Лето кончается, а я ничего не сделал», «Я еще ничего не написал», «Мое путешествие отложено»³³ и т. д. Акцентирование этих мотивов становится формой самопреодоления и самовоспитания. В этих случаях письмо можно рассматривать как форму автокоммуникации.

Характерны для писем Добычина позиция бескомпромиссного критика («может быть хорошо или плохо»³⁴) и неллицеприятные оценки многих собратьев по перу: «Сейфуллина <...> не пишет, а сюсюкает», «совсем не гениальная», «удручает красота эпитетов», «это – действительно плохо (простите)»³⁵. Не случай-

²⁷ Письма К.И. Чуковского Р.Н. Ломоносовой, [в:] <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/pisma/> (10.12.2021).

²⁸ Одно из самоименований Добычина (Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 298.)

²⁹ Там же, с. 277, 291, 301, 312.

³⁰ Там же, с. 254.

³¹ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 250, 292.

³² Там же, с. 295, 264, 281, 257.

³³ Там же, с. 290, 272.

³⁴ Там же, с. 320.

³⁵ Там же, 256, 277, 303, 320.

но И. Слонимская спрашивала его, к кому он хорошо относится³⁶. По отношению к собственному творчеству Добычин также весьма критичен («гадкая рукопись», «сухарь», «гадость», «шаблон», «халтура», «что-то кондитерское», «пустяковый рассказ»), но все же его самооценка достаточно высока: «покажу Вам начало длинного-длинного и хорошего-прехорошего», «я теперь пишу настоящее», о своем романе: «он страшно хороший», «роман будет аховский»³⁷.

В оценке себя как писателя Добычин порой занимает позицию объективного, стороннего наблюдателя: «прочел Конопатчикову и опять нашел, что очень хорошо. Если бы это написал кто-нибудь другой, мне бы хотелось увидеть этого человека, и я бы думал про него»³⁸. Такого рода объективация может рассматриваться как «перевод» на добычинский язык известной цитаты из письма Александра Пушкина Петру Вяземскому: «Трагедия моя кончена. Я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал: “Ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!”»³⁹. Первая реакция Творца на свое творение запечатлена в Шестодневе, с лейтмотивным повтором «И увидел Бог, что это хорошо» («И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» [Быт., 1-31]⁴⁰). Нельзя с уверенностью утверждать, что Пушкин и Добычин сознательно использовали библейский интертекст, однако характерная для творческого сознания Пушкина сакрализация творческого акта (пусть даже с известной долей самоиронии) Добычину достаточно близка. Дальнейшая же реакция («я бы думал про него») подчеркивает глобальное одиночество Добычина, мечтающего об идеальном писателе-собеседнике, родственной творческой душе. Этот образ постоянно занимает мысли автора, пытающегося поставить на место Идеального Писателя реальных собратьев по литературному цеху. При этом его чаще всего постигает разочарование: «Что такое Зоценко? Летом мне попался один его рассказ, и с тех пор мне было приятно о нем думать (о нем и о Леонове), а теперь он... в «Бузотёре»⁴¹.

Константами образа автора становятся также чувство собственного достоинства и гордая бедность: «В Ленинграде ко мне относились, как к какому-то просителю на бедность. Я этого не люблю»⁴² (Варковицкой). Однако денежный мотив вынужденно проходит через всю переписку: «Я человек разоренный», «...будут ли мне высланы какие-либо деньги. Я не беспокоил бы Вас этим,

³⁶ Там же, с. 310.

³⁷ Там же, с. 276, 288, 296, 297.

³⁸ *Письма Л. Добычина...*, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

³⁹ А. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 10 т.*, т. 10, *Письма*, Ленинград 1989, с. 146.

⁴⁰ *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические*, Москва 1988, с. 2.

⁴¹ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 252. «Бузотер» – рабочий сатирический журнал (1924-1927), главным героем которого был персонаж зоценковских рассказов бузотер Гаврила – малокультурный грубиян и скандалист. Для Добычина этот журнал – синоним низкопробной литературы.

⁴² *Письма Л. Добычина...*, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

но, к сожалению, мне это очень интересно»⁴³. В деловых письмах Добычин корректен, вежлив, но настойчив: «Надеюсь, Вы признаете за мной право знать, что случилось с посланным мной материалом. Благоволите не оставить это письмо без ответа»⁴⁴.

Субъективно значимой оказывается еще одна ипостась авторской личности: «Вы читали мои Прозаические Перлы и, возможно, заметили, что сочинитель должен быть усердным купальщиком. Так это и есть. Я даже пользуюсь большой известностью в этом деле»⁴⁵. Добычин хорошо плавал, и вода была, пожалуй, единственной стихией, в которой он чувствовал себя естественно и свободно. В творчестве писателя вода играет ведущую роль как одна из универсалий бытия, первородная стихия, амбивалентная, изменчивая, многогранная⁴⁶. В письмах часто упоминается о купаниях и купальном сезоне, отклики восторженных зрителей фиксируются так же тщательно, как похвала читателя или критика. Водный фон изображен даже на рисунках⁴⁷:

В письмах часто присутствует знаменитая добычинская ирония, которая распространяется на реалии и штампы советской действительности («...теперь и нет детей, а Детские коммунистические отряды Имени Товарища Ленина»⁴⁸), литературу и литераторов, поэтические банальности, повседневный быт и себя самого: «Цукерманша спрашивала, кто Теперь Считается Восходящей Звездой, и я хотел сказать, что – я, но она бы не поверила»⁴⁹. Автор старается заинтересовать собеседника, вызвать у него улыбку или выразить свое отношение. Особенностью эпистолярной манеры Добычина является сочетание иронического и чувствительно-сентиментального, наивно-инфантильного: «Ах, за кого Вы, в самом деле, меня приняли?», «О, простите, о, простите, о, простите...»⁵⁰. Он посылает в подарок Чуковскому вербовые ветки с «барашками» и «сережками»,

⁴³ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 323, 327.

⁴⁴ Там же, с. 326.

⁴⁵ Там же, с. 284.

⁴⁶ Т. Шеховцова, *Проза Л. Добычина...*, с. 36-47.

⁴⁷ *Письма Л. Добычина...*, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

⁴⁸ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 257.

⁴⁹ Там же, с. 266.

⁵⁰ Там же, с. 258, 351.

«славненькую открыточку», об отправленной книжке пишет: «она очень хорошенькая»⁵¹, рассказывает о разорванной калоше, за которую его дома будут ругать. Предваряя ситуацию, описанную в романе «Город Эн», в переписке со Слонимскими возникает мотив неотправленного письма: «Я один раз написал Вам письмо с множеством картинок (“Предметы одежды”, “Съестное” и “Любовь золотоискателя”) и заклеил, и для Мадам вложил вербочку с барашками, но не послал, чтобы Вы не сказали, что это уже СЛПШКОМ»⁵². Герой романа пишет доверительные письма другу, но не посылает их, чтобы они не попали в руки контролирующей его маман. В реальности причиной неотправки становится самоцензура, табуирующая открытые проявления чувств.

Содержание писем отражает ролевые позиции коммуникантов. Гендер адресата также важен. С адресатами-женщинами Добычин говорит об интересующих их предметах: о прочитанных книгах и общих знакомых, о котиках и кошках, дамских нарядах, даже предлагает фасоны платьев и прически. Именно в «женские» письма Добычин чаще всего включает рисунки (особенно много их в письмах к Варковицкой). Рисунки обычно иллюстрируют сказанное или выступают компонентом эпистолярной игры. Поскольку Слонимским нередко адресуется общее письмо, Добычин извиняется за «женскую» тематику и игривость стиля: «...если Вы найдете, что я пишу Вам чересчур кокетливо, то вот в чем дело: письмо рассчитано также и на Иду Исаковну, а перед Дамами Холостяки в Летах всегда игривы»⁵³.

В переписке с Варковицкой Добычин подхватывает предложенную собеседницей игру в псевдонимы: интригуя адресата, она называет себя Ивановой, он же именуется Петровым. По-видимому, эпистолярная стратегия Варковицкой навеяла образ героини добычинского рассказа «Портрет» – томно-кокетливой модницы Ивановой: «Выгнув бок, кокетливая Иванова в красной шляпе поздоровалась со мной»⁵⁴. Продолжая игру, Добычин неоднократно апеллирует в своих письмах к некоему вымышленному Жоржику, чье имя получит в «Портрете» объект симпатий Ивановой: «Ваш портрет будет показан Жоржику. Жоржик – это мой конфиден. Он больше моего знает толк в дамах, и я не сделаю секрета из его суждения», «Жоржик потому знаток, что он влюблен», «Шлите лучше поцелуй Жоржику. Я буду их передавать с огромным удовольствием»⁵⁵. Своеобразной загадкой для собеседницы и намеком на собственную осведомленность относительно личности адресата можно считать упоминания в письмах к «львице Ивановой» поэтессы Иды Наппельбаум, близкой к петербургской художественно-артистической элите. Представляя Наппельбаум как эталон «шикарной» светской дамы, с которой сравнивается собеседница, Добы-

⁵¹ Там же, с. 266.

⁵² Там же, с. 284.

⁵³ Там же, с. 287.

⁵⁴ Там же, с. 97.

⁵⁵ *Письма Л. Добычина...*, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

чин утаивает подтекстный смысл этого сравнения: Наппельбаум зовут Ида Моисеевна, Варковицкую – Лидия (Лида) Моисеевна, они почти тезки, и обе работают в Гослитиздате.

Долго играть по чужим правилам Добычину не свойственно, и романтическая («поэтическая») составляющая переписки, навязываемая собеседницей, им решительно искореняется. Пресекаются и попытки вызвать его на откровенность: «Не откроюсь!»⁵⁶. Письма, адресованные Варковицкой, по тону резче, чем остальная переписка, сентиментальные интонации либо исчезают, либо иронически обыгрываются. Порой в письмах присутствуют маркеры вызова, провокативные реплики или жесты (например, раскрашенная цветными карандашами фотография Варковицкой с утрированным макияжем, ярким румянцем во всю щеку и комментарием: «ПЕРЕПИСКА кончилась!»). Образ адресата явно вульгаризируется). На кокетливую просьбу Варковицкой угадать, какое она имеет отношение к литературе, следует категорический ответ: «Откуда я знаю? Сам я к литературе не имею никакого отношения» (это тоже своего рода кокетство, так как в письме речь идет о вышедшей книжке, о знакомых писателях и о работе над романом). В одном из следующих писем Добычин намеренно занижает предполагаемый писательский уровень корреспондентки: «Вы-то сами – сочинительница или просто тамошняя чиновница? Если сочинительница, то – чего, дамских ли романов или стихшков, и не пришлете ли чего для сведенья?»⁵⁷.

Лирические компоненты писем Варковицкой тут же «заземляются» или отвергаются: «Задушевности и Проникновенности у меня нет как нет»⁵⁸. Для Добычина с его повышенной щепетильностью в вопросах этикета пренебрежительные интонации и сниженная лексика явно обозначают двойственность в отношении к адресату (потребность в собеседнице и в то же время стремление сохранить дистанцию и занять доминирующую позицию): «Вы мне до сих пор не написали ничего путного по поводу книжки», «что еще за выдумки?», «Вы влопались и дали ему не ту справку»⁵⁹. Вместе с тем подобная позиция может быть истолкована как авторская маска, еще один компонент эпистолярной игры.

Свою заинтересованность в переписке Добычин также скрывает под иронией: «Иванова, Иванова, все благоразумные старания оказались ни к чему, и я боюсь, что буду отправлять Вам письма (✉) до гробовой доски: (☠)»⁶⁰. Сопровождающие данный текст рисунки в смысловом отношении тавтологичны сказанному и выполняют нарочито иллюстративную функцию, тем самым удваивая иронию.

Формами выражения адресации и одновременно самохарактеристики становятся обращения и подписи, соотносимые с ролевыми образами адресата

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

и адресанта и отражающие характер и эволюцию их взаимоотношений. В обращениях к Корнею Чуковскому такого рода эволюция особенно очевидна: многоуважаемый Корней Иванович; дорогой Корней Иванович; Корней Иванович, миленький. К Николаю Чуковскому: Коля, милый, малютка (сын Чуковского был моложе Добычина на 10 лет). Только в последнем, предсмертном письме используется полное обращение в доверительной форме: дорогой Николай Корнеевич. Имя Чуковского-младшего в письмах порой помещено в рамку с нарисованными по углам кнопками. Такое оформление, напоминающее табличку на двери кабинета авторитетного лица, контрастирует с уменьшительным именем и является еще одним примером добычинской иронии.

Варьирование именовании Варковицкой отвечает иронически-игровой тональности переписки: Лидия Николаевна (так первоначально представилась ему Лидия Моисеевна), многоуважаемая Иванова, многоуважаемая львица Иванова, добряга Иванова, бедняга Иванова, фальсифицированная Иванова, почтеннейшая не-Иванова, добряга Варковицкая, Лидия Моисеевна.

В письмах к Слонимскому форма обращения диктуется не только степенью формализации отношений, но и сиюминутным настроением или впечатлением адресанта. В начале переписки, пока общение носит деловой характер, Добычин называет адресата по имени-отчеству, без прилагательных; затем появляется более интимное «дорогой М. Л.», которое несколько неожиданно сменяется официальным «многоуважаемый Михаил Леонидович»; через несколько месяцев вновь используется более доверительное «Дорогой Михаил Леонидович», которое сохраняется до разрыва переписки и восстанавливается после ее возобновления. К супруге Слонимского Добычин относился с большой симпатией и обращался к ней неизменно: «Дорогая Ида Исаковна».

Наиболее распространенные подписи: Л. Добычин, Ваш Л. Добычин, Л. Д. (или Ваш Л. Д.), встречаются также ироническая форма «Вампред Л. Добычин» и этикетная, подчеркнуто уважительная «Ваш слуга Л. Добычин», а также самохарактеристика «Л. Добычин (уездный сочинитель)». Минимизированная форма подписи (Добычин, Л. Д., Д., Ваш Д.) преимущественно используется в письмах последних лет, которые становятся более короткими, менее доверительными и скорее напоминают записки. Добычин уходит в себя, минимизируя и внешние самопроявления.

В письмах к Варковицкой представлен самый широкий диапазон подписей: Л. Добычин, Л. ДОБЫЧИН, Л. ПЕТРОВ, ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ, ВАШ Л. Д., Д. Использование прописных букв является компонентом игровой самопрезентации, обыгрывающей оппозицию «большой/маленький» (применительно к себе как писателю и человеку). Свое полное имя Добычин не любил и даже просил не выносить его на обложку книги («Только „Л. Добычин“, а не „Леонид“, как некоторые мерзавцы неизвестно на каком основании практикуют»⁶¹). Поэтому

⁶¹ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 315.

подпись «Леонид Иванович» – еще один знак несовпадения с адресатом, дистанцирования, своеобразный защитный прием.

Формами адресации являются также литературные аллюзии, обозначающие общий читательский кругозор («...правда, приятная писательница Эльза Триоле?»), культурные или бытовые реалии («Кому на время Вашего отъезда был поручен Кот?»), общие воспоминания («Я никогда не забуду вас двоих, как вы читали Фета – Вы под одеялом; Коля – в валенках»)⁶². Диалогичность писем подчеркивается реакцией на реплики собеседника: «Вы писали... Вы спрашивали... Вы упомянули...»; «Чаще писать – решался бы, если бы и Вы писали»⁶³.

Конструируя образ адресата (литературного мэтра, столичной львицы, писателя-профессионала и т. п.), Добычин непременно домысливает его внешний облик, часто не совпадающий с реальностью. Чуковскому: «Я представлял себе Вас дедом, а Вы...»; «Недавно я думал о том, какой у Вас может быть вид, и решил, что, должно быть, вроде Максима Ковалевского»⁶⁴ (Чуковскому в это время 43 года, и он ничуть не похож на внушительного Ковалевского). Слонимскому: «Убелены ли Вы сединами?», «Мне немножко страшно с Вами встретиться: вдруг Вы завели за это время Усы и Бороду»⁶⁵ (Слонимский на три года моложе Добычина). Варковицкой: «По поводу шикарности: скажите – Вы шикарнее, чем Ида Наппельбаум?»⁶⁶.

Добычин наделяет получаемые письма различными характеристиками, сущность которых определяется личностью адресата, доминантой в общении с ним, тональностью переписки: «глупое письмо», «ваше почтенное письмо», «поэтическое письмо», «его письмо с отказом от моих, снабженных несомненными достоинствами рукописей составлено весьма любезно и напоминает грушевый компот»⁶⁷. Изменение отношения к адресату (например, обида на нерегулярно отвечающего Слонимского) меняет тональность писем и степень открытости: «Мне бы хотелось написать Вам более частное письмо, но я отвык»⁶⁸. Однако семантическое ядро образа адресата достаточно стабильно на протяжении всей переписки вне зависимости от усиления/умаления степени дружеской интимности.

Образ адресата писем частично мифологизируется и определяется типом отношений между корреспондентами и ролью, избранной адресантом. Здесь можно выделить модели «мэтр – благодарный ученик» или «опытный литератор – начинающий автор» (переписка с Корнеем Чуковским и Михаилом Слонимским),

⁶² Там же, с. 293, 312, 261.

⁶³ Там же, с. 295.

⁶⁴ Там же, с. 257.

⁶⁵ Там же, с. 302.

⁶⁶ *Письма Л. Добычина...*, [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?pag.e=8&nput=3439> (10.12.2021).

⁶⁷ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 288.

⁶⁸ Там же, с. 316.

«дама – галантный/брутальный кавалер» (с Идой Слонимской и Лидией Варковицкой), «дружеские отношения» (с Николаем Чуковским, Леонидом Рахмановым), «деловая коммуникация» (со Слонимским после разрыва, с сотрудниками издательств). Выбранная модель определяет эпистолярную стратегию автора, которая может меняться по ходу переписки.

В письмах Добычина достаточно часты автореферентные фрагменты, касающиеся собственного творчества: «Когда я думаю об этом, оно представляется мне чем-то вроде музыки Шопена»⁶⁹. Письма становятся источником собственного самосовершенствования писателя: «Должно быть, мне не уйти от “четырёх глав”», «Нет ли там впадения в Добычинский шаблон?», «Как будто ученик старших классов сочинял по Классическим Образцам»⁷⁰. Переписке присущи элементы метаэпистолярности, рефлексии над содержанием и тоном письма: «Сегодня я Вам послал письмо, в котором были тысячи инсинуаций на Слонимского», «Мои письма были очень уж разнужданные», «чтобы закончить поэтически»⁷¹, «Я прочел это письмо и вижу, что оно до странности игриво»⁷².

Добычин придает большое значение форме, в частности, «рамочному компоненту»: «...я видел замечательную обложку: “Пушкин” – черными, “Письма” – красными. Если бы мне такую сделали, то – ах, после этого можно хоть и помирить!»⁷³. Скрытое уподобление себя Пушкину, пусть и смягченное иронической интонацией, может рассматриваться как еще одно косвенное подтверждение высокой самооценки автора. В его устремленности к идеалу (каковым, в данном случае, является Пушкин) нивелируется разграничение главного и второстепенного, значимым оказывается все, в том числе и «неважные» детали (обложка). Позднее, презентуя свою книжку К. Чуковскому, Добычин заметит: «Надписей я не делал, потому что она очень хорошенькая, и мне не хотелось ее портить»⁷⁴.

Выбор в качестве эталона не сборника поэзии или прозы, а томика писем тоже не случаен. Переписка мыслится как часть творчества, в котором ничем нельзя пренебрегать. Поэтому Добычин постоянно озабочен формальной стороной писем: «Эти чернила мне и самому страшно не нравятся, и к следующему письму я постараюсь припасти другие», «Извините почерк. Переписывать я ненавижу, и очень некрасиво получается», «Бумажечку эту и конвертик я купил в ларьке Моссельпрома и прошу Вас по их плохому качеству не судить о качествах и составителя сего письма»⁷⁵. Он нетерпим к речевым погрешностям: «В письме Иды Исаковны я прочел, что она “одевала платье” (без рукавов). Я исправил на “над-

⁶⁹ Письма Л. Добычина..., [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

⁷⁰ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 251, 259, 291.

⁷¹ Там же, с. 257, 287, 312.

⁷² Письма Л. Добычина..., [в:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3439> (10.12.2021).

⁷³ Л. Добычин, *Полное собрание...*, с. 315.

⁷⁴ Там же, с. 268.

⁷⁵ Там же, с. 305, 319, 304.

евала”»⁷⁶. Строго соблюдая эпистолярный этикет, Добычин всегда реагирует на его нарушение собеседником: «Должно быть, в своем последнем письме я задал вопросы, каких не полагается, потому что Вы на них не ответили»⁷⁷. Неоднократно жалуясь на неаккуратность Слонимского в переписке, Добычин в конце концов прерывает общение с ним на два с половиной года, хотя очень нуждается в его помощи и поддержке.

Письма являются для Добычина не только внешним, но и внутренним репрезентантом личности, важнейшим способом формирования образа «Я» в его субъективной и объективной значимости. Смысловым стержнем переписки становится мотив творчества. Добычин позиционирует себя как писателя в противовес своей географической и социальной закрепленности (провинциал и мелкий чиновник). При этом иллюзии относительно своих писательских перспектив ему не свойственны: «Мои акции стоят отменно низко, и улучшения оным не предвижу», «Деньги это дает совершенно ничтожные, а шуму – больше бывает, когда лягушка в воду прыгнет»⁷⁸. Однако переписка с людьми, близкими к литературе, необходима для повышения самооценки («Я для себя»): «Получив Ваше письмо, я чувствую себя не такой канцелярской крысой, как обыкновенно», «поливайте от времени до времени капусту Моего Таланта своими письмами»⁷⁹. Отраженные в письмах константные характеристики автора как творческой личности определяют внутреннюю последовательность и цельность Я-концепции, устойчивость жизненных приоритетов и уровень самоуважения. В письмах имплицитно формируется образ Идеального Писателя как некоего эталона, с которым соотносятся сам автор и его корреспонденты.

Способами раскрытия авторского «Я» являются самохарактеристики, касающиеся прежде всего литературного творчества (от хвалебных до уничижительных), оценки других людей (в первую очередь, писателей) и литературных произведений, отбор и оценка описываемых событий и ситуаций, в которых автор выступает в роли наблюдателя, субъекта или объекта действия. Неповторимость эпистолярной личности автора определяется абсолютной искренностью и бескомпромиссностью суждений, минимизацией самораскрытия, этикетным педантизмом, сочетанием иронической и сентиментальной интонаций, обостренным переживанием своих отношений с миром и людьми, идеализацией писательского статуса, ориентацией на идеальную норму как в эстетическом, так и в поведенческом смысле. Именно образ автора и общность авторских установок определяют художественную целостность эпистолярия. Вариации авторского «я» и смена ролевых функций адресатов обеспечивают расширение семантического и эстетического потенциала образа адресанта и переписки в целом.

⁷⁶ Там же, с. 287.

⁷⁷ Там же, с. 252.

⁷⁸ Там же, с. 282, 297.

⁷⁹ Там же, с. 251, 263.

References

- Bakhtin M.M., *Literaturno-kriticheskiye stat'i*, Moskva 1986.
- Bakhtin M.M., *Estetika slovesnogo tvorchestva*, Moskva 1986.
- Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskiye*, Moskva 1988.
- Całek A., *Nowa teoria listu*, Kraków 2019.
- Cysewski K., *Teoretyczne i metodologiczne problemy badań nad epistolografia*, „Pamiętnik Literacki” 1997, nr 1.
- Dobychin L., *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem*, Sankt-Peterburg 1999.
- Erofeyev V., *Poetika Dobychina, ili analiz zabytogo tvorchestva*, [v:] Ego zhe, *V labirintakh proklyatykh voprosov*, Moskva 1996.
- Literatura i dokument: teoreticheskoye osmysleniye temy (materialy kruglogo stola)*, Moskva 2008, [v:] <http://imli.ru/seminary-i-konferentsii-2008/1827-kruglyj-stol-literatura-i-dokument-teoreticheskoe-osmyslenie-temy>.
- Maciejewski J., *List jako forma literacka*, [w:] *Sztuka pisania. O liście polskim w wieku XIX*, red. J. Sztachelska, E. Dąbrowicz, Białystok 2000.
- Mikheyev M., *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX-XX)*, Moskva 2007.
- Neminushchiy A., *Chekhovskiy traditsii v epistolyarii L. Dobychina*, «Dobychinskiy sbornik», vyp. 3, Daugavpils 1998.
- Paperno I.A., *Ob izuchenii poetiki pis'ma*, «Uchenyye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta» 1977, t. 420. *Studia metrica et poetica* (II).
- Petrova A.G., «*Vy moy edinstvennyy chitatel'...*»: *O pis'makh L. Dobychina k K. Chukovskomu*, «Novoye literaturnoye obozreniye» 1993, № 4.
- Pis'ma L. Dobychina k L.M. Varkovitskoy*, Publikatsiya, vstupitel'naya zametka i primechaniya Sergeya Korolëva, «Zvezda» 2019, № 1, nr 4, [v:] <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8>.
- Pis'ma K.I. Chukovskogo R.N. Lomonosovoy*, [v:] <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/pisma/ax>.
- Popova Z.A., *Pozitsiya sub"yekta rechi v pis'makh L. Dobychina*, *Russkaya filologiya*, № 15. *Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*, Tartu 2004.
- Pushkin A., *Polnoye sobraniye sochineniy v 10 t.*, t. 10. *Pis'ma*, Leningrad 1989.
- Sazhin V., *L. Dobychin: novyye materialy k biografii i tvorchestvu*, [v:] <https://cyberleninka.ru/article/n/l-dobychin-novye-materialy-k-biografii-i-tvorchestvu>.
- Shekhovtsova T.A., *Proza L. Dobychina: marginalii russkogo modernizma*, Khar'kov 2009.
- Schmid W., *Implied Author*, [in:] *Handbook of Narratology. Contributions to Narrative Theory*, by Peter Hühn, John Pier, Wolf Schmid, Jörg Schönert, Berlin, New York 2009.
- Skwarczyńska S., *Teoria listu*, Lwów 1937.
- Skwarczyńska S., *Wokół teorii listu. (Paradoksy)*, „Pamiętnikarstwo Polskie” 1972, z. 4.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Татьяна Анатольевна Шеховцова – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. **Публикации: монографии:** *Проза Л. Добычина: маргиналии русского модернизма*, Харьков 2009; «У него нет лишних подробностей...»: *Мир Чехова. Контекст. Интертекст*, Харьков 2015. **Разделы в коллективных монографиях:** «Человек в плаще» и его литературные воплощения, [в:] *Классические и постклассические литературные стратегии в пространстве современной культуры*, Харьков 2017, с. 165-180; *Сказочно-мифологическая поэтика «детской» прозы Л. Добычина*, [в:] *Миф, фольклор, литература: эстетическая проекция мира*, под ред. И.И. Бабенко, И.В. Попадейкиной, М.А. Галиевой, Вроцлав 2015, с. 168-182. **Статья:** *Поэтика лубка и комикса в рассказе Л. Добычина «Дикие»*, [в:] *Slavica lasťjumi XI*, Daugavpils 2016, p. 227-233 (*Slavic readings XI*. Daugavpils 2016, p. 227-233).

ORCID: 0000-0002-6270-6549

Email: shekhovt2@gmail.com